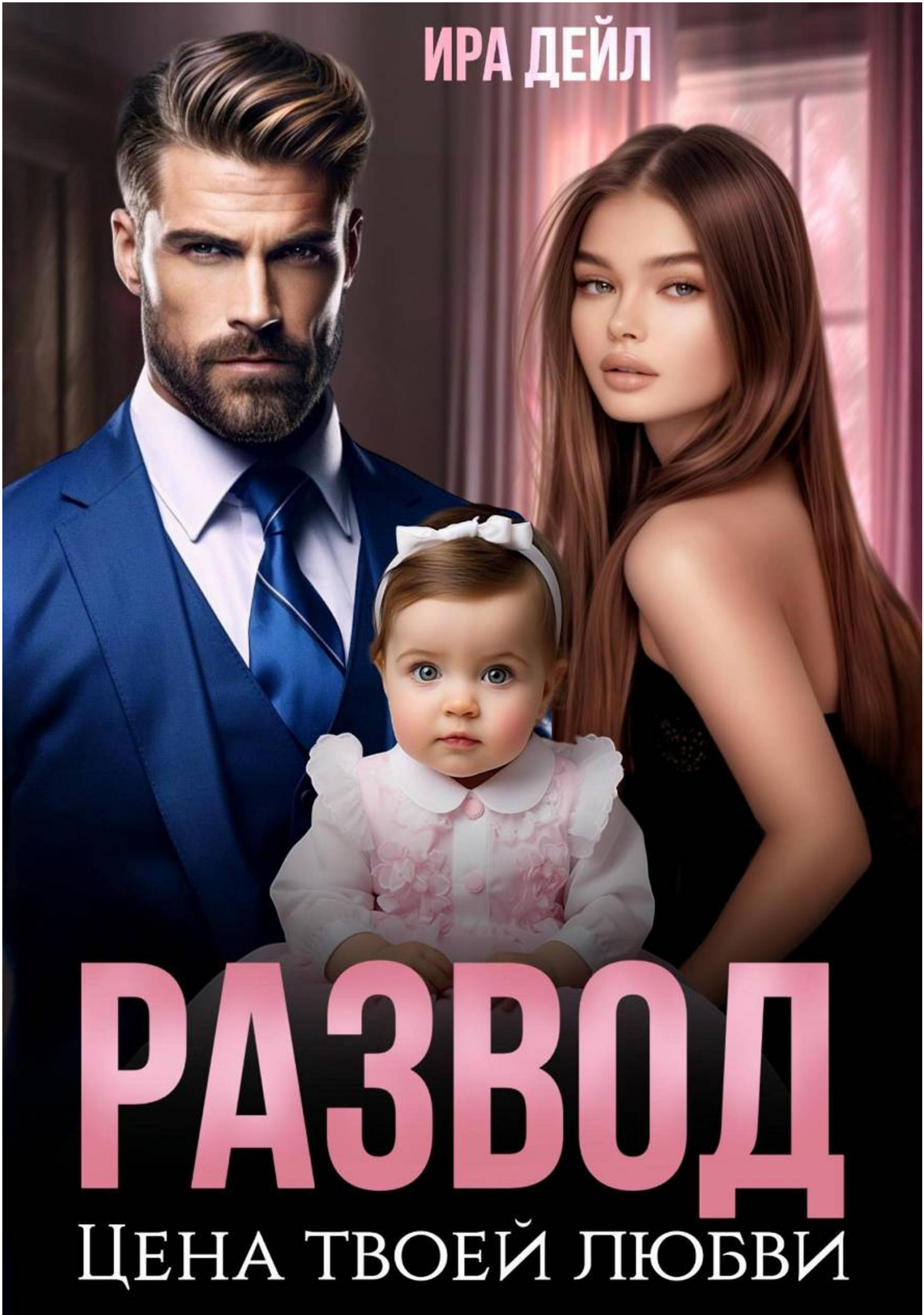
ИРА ДЕЙЛ

РАЗВОД

Цена твоей любви

Ира Дейл

Развод. Цена твоей любви

«Автор»
2026

Дейл И.

Развод. Цена твоей любви / И. Дейл — «Автор», 2026

— Ты изменил мне с двумя бабами на этом самом диване! У меня есть видео! — Твою мать, Инга, что за истерика?! — муж встряхивает меня. — Ты понимаешь, что у меня сделка важная горит? Если я ее просру, то, считай, наш бизнес полетит к чертям собачьим?— Иди ты со своим бизнесом со своими бабами далеко и надолго! Я подаю на развод!Марк хватает меня за руку и грубо выталкивает из своего кабинета.— Дома поговорим. И забудь о разводе! — захлопывает дверь прямо перед носом.

© Дейл И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 18
Глава 8 20
Глава 9 22
Глава 10 24
Глава 11 26
Глава 12 28
Глава 13 30
Глава 14 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Ира Дейл
Развод. Цена твоей любви

Глава 1

Трусики. Красные. Кружевные. Не мои. А вот и вторые… шелковые черные стринги. Тоже не мои. Откидываю их двумя пальцами на свой рабочий стол в своем кабинете. Заглядываю в бумажный конверт, где еще есть записка и флешка. Достаю их вместе.

«Посмотри меня. Узнаешь больше про своего мужа», — напечатано курсивом на бумаге.

Хмурюсь.

Металлическая флешка быстро нагревается от тепла руки. Сердце гулко бьется в груди. Его стук отдается в ушах в дополнение к шуму в голове, из-за которого я не слышу даже своих мыслей. Дышать с каждым мгновением становится сложнее.

Я понятия не имею, что может быть на флешке. Перевожу взгляд на экран ноутбука, где открыт проект рекламной кампании для очередного лекарства от кашля.

Вздыхаю.

Да, у нас с мужем в последнее время дела не ладятся.

Марк пропадает на работе, ведет важную сделку, благодаря которой сеть наших аптек может пополниться новым ассортиментом медикаментов.

У меня тоже немало проектов, плюс маленькая дочь. Я в основном работаю из дома, только несколько раз в неделю выбираюсь в офис на пару часов. Но каждый раз, когда оставляю Маришку с няней, сердце разрывается. Ей всего годик, и она очень сильно привязана ко мне. Вот только я не смогла отказать мужу, когда он попросил выйти из декрета и вернуться на место начальника рекламного отдела в его фирме, ведь пиарщика — мою временную замену — переманили конкуренты.

Я до декрета занимала эту должность, помогала мужу и его лучшему другу поднимать фирму с нуля. Но после родов полностью сосредоточилась на Маришке, посвятив себя ей.

Мне сложно влиться в работу, а больше всего нервируют неожиданно возникающие срочные поездки в офис и горящие сроки. Сегодня даже пришлось Маришку к подруге отвезти, потому что няня заболела.

Я и так на нервах, а еще эта непонятная флешка. Нужно выбросить ее и все. Уже тянусь к мусорной корзине, которая стоит под столом, но застываю, так и не разжав пальцы.

Нет! Не могу! Интуиция подсказывает, что стоит увидеть, что на флешке! Будто это поможет разобраться в наших отношениях с Марком раз и навсегда.

Резко выпрямляю спину, пододвигаю к себе ноутбук, сохраняю проект, сворачиваю его и вставляю флешку.

Дыхание спирает, пока я ждет загрузки файлов, а когда на экране появляется окно с папкой, закусываю губу.

На флешке всего один файл — видео, подписанное датой. Вчерашней.

Сердце больно колет, когда я понимаю, что как раз вчера вечером ждала мужа дома, приготовив ему романтический ужин со свечами и его любимыми стейками. Но Марк не пришел.

Сообщение «Всю ночь буду на работе» всплывает перед глазами. Внутри все еще зияет пустота от слез, выплаканных ночью. Приходилось глушить рыдания подушкой, чтобы не разбудить Маришку. Вот только глаз сомкнуть не получилось.

В голове словно на повторе звучал утренний разговор по телефону за день до этих событий:

— Ты сможешь выбраться? Мы так давно не проводили время только вдвоем, — лепетала в трубку я.

— Я постараюсь, — тяжело вздохнул муж. Раздался скрип кресла. — Ладно, я буду, — пообещал он мне спустя пару долгих секунд.

Мы же договаривались поужинать вместе! Договаривались! Марк опять выбрал работу, а не меня!

А работу ли?

Впиваюсь взглядом в черный прямоугольник на экране!

Размышляю мгновение, а в следующее — навожу курсор на файл и щелкаю мышью.

Сразу понимаю, что запись сделана камерой видеонаблюдения. Звука нет. Зато место съемки узнаю моментально — кабинет мужа. Тут же узнаю темно-серые стены с висящими на них черно-белыми картинами. Вижу журнальный столик, на котором стоят бутылка шампанского, три бокала с узким горлышком и тарелка с фруктами. Также рядом находится знакомый кожаный диван.

На нем сидит Марк. Не один, а с девушками. С двумя. Брюнетка обнимает его за шею и отлипает от губ, а блондинка стоит на коленях между ног моего мужа, удовлетворяя его ртом.

Глава 2

Дыхание застревает в груди. Горло сдавливает. Легкие жжет.

Я, наверное, мазохистка, раз не могу оторвать глаз от видео на экране.

Меня буквально разрывает изнутри, боль ползет по телу. Нервные окончания воспламеняются, горят так сильно, что даже соприкосновение тела с одеждой вызывает настоящую агонию. Хочу оттянуть горло теплого бежевого свитера, но не могу пошевелиться. Узкие джинсы стягивают ноги, грубые сапоги жмут.

Все, что мне удается делать, — смотреть на экран, на котором блондинка встает и перебирается на диван, а брюнетка седлает бедра моего мужа.

Захлопываю крышку ноутбука.

С меня хватит!

Глубоко вздыхаю и… сдуваюсь. Ставлю локти на стол, прячу лицо в ладонях. Дышу тяжело, сдавленно. Стискиваю челюсти до боли в скулах. Сердце начинает кровоточить, как и душа. Ее словно кинжалами проткнули, по одному за каждую секунду просмотра видео.

Пытаюсь избавиться от картинок, которые всплывают перед глазами. Но ничего не получается.

Как наяву вижу одну руку мужа, ложащуюся на голову блондинки, помогая ей. И вторую — запущенную в волосы брюнетки, сжимающую их.

Как так? Мы же пять лет вместе. Прошли через взлеты и падения. Я все делала для мужа. Поддерживала его во всем. Не пилила за то, что он уделял мне мало внимания. Старалась приободрить, когда очередная сделка срывалась. Совмещала роль заботливой жены и пиарщика. Делала все, что могла, лишь бы у него получилось достичь цели.

У нас ребенок, черт возьми!

Нет! Я все так не оставлю! Пусть даже не надеется, что отделается без последствий! Я посмотрю в его бесстыжие глаза! Выскажу все, что думаю! Врежу по яйцам! Да! Именно так сделаю!

Вскакиваю на ноги. Огибаю стол, бьюсь об угол из-за узкого прохода между ним и шкафом с документами. Шиплю, но не останавливаюсь. Широкими шагами пересекаю расстояние до двери, распахиваю ее. Вылетаю в коридор с белыми стенами и висящими на них постерами в рамках с препаратами, разработанными нашей компанией. Запах лекарств, такой же, как в больнице, бьет в нос. Кривлюсь. Я давно предлагала перенести главный офис в другое здание, подальше от производства, находящегося в подвальных помещениях. Но нет же, никто меня не слушает.

Плевать! Сейчас на все плевать!

Поворачиваю к лестнице, стремительно иду по длинному коридору.

Чтобы добраться до кабинетов руководителей, нужно подняться на второй этаж. Прохожу мимо одной двери за другой, по дороге кивая встречающимся сотрудникам.

— Добрый день, Инга Павловна, — здоровается со мной проходящая мимо Галя, темноволосая практикантка в отделе разработок.

Быстро киваю ей, краем глаза замечая красное, слишком откровенное в области декольте платье под белым халатом.

Делаю пометку в голове, что нужно зайти к Герману, чтобы он напомнил своим подчиненным о соблюдении профессионального дресс-кода. Но быстро забываю об этом, когда толкаю дверь из матового стекла. Выхожу на лестничную клетку и несусь на второй этаж.

Меня словно черти гонят, поэтому опомниться не успеваю, как оказываюсь в правом крыле, где находится кабинет мужа. Ольга Петровна, пятидесятилетняя помощница Марка, чуть не роняет очки, которые протирает, сидя за столом в залитой светом приемной.

В обычный день я бы поприветствовала ее, спросила, как дела у внуков, но сегодня просто проношусь мимо прямо к тяжелой дубовой двери, на которой на серебристой табличке выгравировано имя моего мужа.

— Инга, стой, — Ольга Петровна резво вскакивает. Серый костюм на размер больше нужного совсем не сковывает ее движений.

Но я уж точно не собираюсь ее сейчас слушать. Распахиваю дверь и вхожу в кабинет с темно-серыми стенами. Марк, сидящий за столом в чернильно-синем костюме перед большим монитором, поднимает голову. Хмурится. Поджимает губы, явно демонстрируя свое недовольство. Плевать! Иду к нему, по пути бросая взгляд на тот самый диван, который засветился на видео, — кривлюсь.

Останавливаюсь с противоположной стороны стола, упираюсь в него ладонями. Нависаю. Темно-русые волосы падают на лицо, но я даже не пытаюсь их смахнуть. Дышу часто, рвано. Впиваюсь взглядом в Марка, пытаясь передать ему всю ненависть, которая бурлит внутри меня.

— Как ты мог так со мной поступить?! — цежу сквозь стиснутые зубы.

Глава 3

— Прошу прощения, дайте мне пару минут, пожалуйста, — муж нажимает на кнопку на клавиатуре.

На краю сознания улавливаю мысль, что Марк, скорее всего, общался с кем-то по видеосвязи. Плевать! Во мне бушует такая жгучая ярость, что я едва стою на месте. Хотя в мыслях уже давно перепрыгнула стол и вцепилась в горло мужа, пытаясь его задушить.

— Инга, что ты творишь?! — рычит Марк, поднимаясь на ноги и обходя стол. — У меня важные онлайн-переговоры с поставщиками.

Выпрямляюсь. Делаю шаг к мужу, зрительного контакта не прерываю.

— Ты еще смеешь кидать мне претензии? — мой голос полон язвительности. Подхожу к Марку почти вплотную. — Ты?! — тыкаю указательным пальцем ему в грудь. — Может, тебе стоило задать этот вопрос себе, когда ты трахал двух баб на своем любимом диване? — указываю головой в сторону места отдыха.

Марк сводит брови к переносице. Только сейчас замечаю, что под его глазами залегли глубоке тени, а щетина прилично отросла.

— С чего ты это взяла? — хмурится. — Хотя… плевать. Потом поговорим. Сейчас не до этого.

— У меня видео есть! — кричу. — С камеры за твоей спиной! — толкаю мужа в грудь.

Глаза Марка широко распахиваются и снова опасно сужаются. Вот только он даже не сдвигается с места. Гора мышц, блин!

Собираюсь снова его толкнуть, чтобы хоть как-то выбить из равновесия. Но, видимо, Марк предугадывает мои действия, поэтому хватает за плечи. Его пальцы больно впиваются в кожу, шиплю. Вот только муж не обращает на это внимания.

— Твою мать, Инга, что за истерика?! — встряхивает. — Ты понимаешь, что у меня сделка важная горит? Если я ее просру, то, считай, наш бизнес полетит к чертям собачьим?

Очередная вспышка ярости красной пеленой застилает глаза.

— Бизнес? Бизнес?! — упираюсь ладонями в запястья мужа, пытаюсь скинуть его руки. Бесполезно. Он держит крепко! Даже слишком! — Только он тебя волнует. А просратая семья тебя не интересует? — выплевываю мужу в лицо. — Я же ждала тебя вчера! Ждала до последнего! А ты… на этом самом диване трахал не одну, а двух баб! — меня несет, истерические нотки пропитали слова, но я даже не пытаюсь себя затормозить.

Боль сочится из каждой клеточки тела, воспаляет нервные окончания. Мне едва удается дышать из-за постоянных спазмов, сжимающих грудь. Муж порвал мое сердце в клочья. Растоптал доверие. Уничтожил любовь.

Слезы, которые я всеми силами подавляла, рвутся наружу, заполняют глаза.

Но Марку, похоже, все равно. Он смотрит на меня своими пустыми глазами. Его, кажется, даже не трогает то, что он заставил собственную жену мучиться в агонии.

— А знаешь, — сглатываю ком из рыданий, который подкатил к горлу. — Иди ты со своим бизнесом… со своими бабами в задницу! Я подаю на развод! — дергаюсь в сторону, пытаясь вырваться из стальной хватки мужа. Марк не отпускает.

— Прекращай истерику! — рявкает, бросая взгляд на ноутбук.

Даже сейчас он думает только о своей работе! С меня точно хватит! Сегодня же ухожу от него!

Снова толкаю мужа в грудь, из-за чего зарабатываю предупреждающий взгляд.

— Пусти меня, — шиплю. — Пусти, кому сказала! — повышаю голос, когда понимаю, что муж даже не чешется выполнять мою просьбу. — Пусти, сволочь ты такая, — слезы брызгают из глаз.

— Твою же… — рычит муж, яростно смотрит на меня.

Не успеваю моргнуть, как он отпускает мои плечи, перехватывает запястье и тащит к двери, которую я так и не закрыла. Пытаюсь тормозить, вырваться, но муж держит крепко. Очень!

Марк вытаскивает меня в приемную и только после этого отпускает. Сам же снова заходит в кабинет. Разворачиваюсь, сжимая саднящее запястье. Снова собираюсь сказать, какой же он козел, но тут же натыкаюсь на гневный взгляд.

— Дома поговорим, — заявляет муж, стискивая дверь. — И забудь о разводе! — захлопывает ее прямо перед моим носом. Следом раздается звук поворачивающегося в замочной скважине ключа.

Глава 4

В голове звенит. Открываю, закрываю рот, совсем как рыбка. Смотрю на дверь перед собой и не могу поверить, что собственный муж выставил меня за дверь.

Марк никогда не вел себя со мной так грубо. Да, мы ссорились. С кем не бывает. Но за столько лет брака мы… притерлись. Тем более нам повезло, что у нас разные характеры. Марк взрывной, пробивной, идет к цели, не видя препятствий. А я предпочитаю сглаживать конфликты, терпеть не могу ссоры, предпочитаю разговаривать. Наверное, поэтому мы смогли столько лет прожить вместе. Но сегодня Марк перешел все границы. Я не собираюсь терпеть ни измены, ни такое обращение со мной!

— Инга, — осторожный голос Ольги Петровны прорывается сквозь пучину мыслей, возвращает мне разум.

Боль накрывает меня новой волной.

Зажмуриваюсь, чтобы остановить слезы, которые нескончаемым потоком льются по лицу. Не помогает. Судорожно вздыхаю, распахиваю веки, вытираю щеки.

— Позже поговорим, — бросаю Ольге Петровне, разворачиваюсь и мчусь на выход.

Не хочу даже через стенку быть около мужа!

В голове звучит всего одна мысль: «Нужно развестись!»

Вылетаю в коридор, захлопываю дверь в приемную и… силы покидают меня.

Колени резко подгибаются, я едва успеваю прислониться спиной к стене. Иначе тут же рухнула бы. Упираюсь ладонями в бедра.

Дышу медленно, размеренно. Пытаюсь остановить поток слез, но они все льются и льются. Не дают прийти в себя. Кажется, тысячи осколков впиваются в и без того израненное сердце, режут его на кусочки, уничтожают, оставляя внутри лишь пустоту.

Всхлип вырывается из горла. Закрываю рот ладонью, прислоняюсь затылком к стене. Глушу рыдания, как могу. Но ничего не получается — они все равно разносятся по коридору, отражаются от стен. Кажется, еще чуть-чуть — и я кончусь.

Тяжелые шаги звучат со стороны лестницы, зажмуриваюсь. Только этого мне не хватало. Глубоко вздыхаю, в очередной раз утираю слезы и отталкиваюсь от стены. Быстро семеню к лестнице, глядя под ноги. С кем-то сталкиваюсь в проходе, бормочу «простите» и несусь по ступенькам на первый этаж. Вот только вместо своего кабинета направляюсь в другую сторону — к туалетам. Мне нужно сначала привести себя в порядок: умыться, перестать реветь, а потом уже подумать, что делать в первую очередь.

Дохожу до конца коридора, бросаю взгляд через окно — несколько мужчин выносят коробки со склада и грузят их в белый минивэн с листьями папоротника на кузове — логотип нашей компании. Не глядя, кладу ладонь на дверную ручку, нажимаю.

Сердце пропускает удар, когда мужчины сталкиваются и один из них роняет коробку — не дай бог, там стекло. Выдыхаю только когда грузчик спокойно ее поднимает и несет в машину.

Приоткрываю дверь, отвожу взгляд от окна, собираюсь зайти в туалет. Но застываю на пороге, когда слышу женский скрипучий голос:

— Бли-и-ин, он же женат.

— И что? — хмыкает вторая девушка, в которой на слух узнаю ту самую Галю, которую встретила недавно в коридоре. — Валь, не забывай, это же не помешало ему с нами вчера вечером развлекаться, — слова пропитаны гордостью.

— А ты уверена, что он еще раз захочет? Слышала, что он со всеми только по разу спит, — разочарованно вздыхает первая девушка.

— Ну, нас же двое, — хихикает ее собеседница. — Попытка не пытка. Ведь переспать с боссом — верный способ продвинуться по карьерной лестнице. Мне уже надоело в практикантах побираться.

Возмущение лавой заливает меня. Ярость застилает взор. Жар разливается по венам, когда я толкаю дверь и захожу в туалет.

Как я и думала, передо мной оказываются те самые брюнетка и блондинка.

Глава 5

— Инга Павловна, — отталкивается от мраморной столешницы Валя. Стремительно разворачивается ко мне, смотрит исподлобья своими подведенными черным карандашом ярко-голубыми глазами. Ее белый халат распахнут, демонстрируя короткое черное намного выше колен платье. — Вы в туалет? — прикусывает губу, бросая взгляд на подругу.

Галя же стоит, прислонившись к светло-серой дверце одной из кабинок, и даже не думает двигаться. Она прожигает меня надменным взглядом, криво ухмыляясь.

Не сомневаюсь, они обе догадались, что я слышала их разговор.

— Какие же вы… — прерываюсь, пытаясь подобрать слово. Но не могу найти подходящее. Все, что приходит на ум, слишком мягкое для этих двух «дам». После того видео, которое мне довелось посмотреть, хочется выразиться хлестко, жестко, чтобы отбить у них желание забираться в постель к чужим мужьям.

— Ой да ладно, — наконец соизволяет выровняться Галя. — Как будто вы без греха, — хмыкает, еще сильнее приподнимая уголок губ.

Возмущенно выдыхаю.

— Я не сплю с женатыми мужчинами, — едва не скриплю зубами.

— Потому что отхватила завидную партию, — Галя резко переходит на «ты», после чего, виляя бедрами и стуча каблуками, направляется ко мне. Останавливается на расстоянии вытянутой руки. Благодаря каблукам оказывается выше, поэтому смотрит сверху вниз. — Вообще, в дикой природе есть правило, что добычей нужно делиться.

Еще шире распахиваю глаза.

Вот как теперь называется то, что эти двое переспали с моим мужем? Делиться?

Красная пелена застилает взор. Расправляю плечи, делаю шаг к обнаглевшей брюнетке, та отступает. Блондинка тоже отходит в сторону, но от меня не скрывается ехидная ухмылочка, мелькнувшая у нее на лице. Ничего, с ней я разберусь позже. Сначала нужно поставить на место обнаглевшую зазнобу.

— Хочешь поиграть в дикую природу? — складываю руки на груди. — Ну давай представим, что наша фирма — стая. Как ты думаешь, что сделает альфа-волчица с зазнавшейся самкой, которая попыталась посягнуть на ее территорию?

На лице Гали появляется растерянность, но через мгновение девушка криво ухмыляется.

— Ты альфа-самка? — кривится. — Да не смеши мои портянки. Может, раньше и была ею, но сейчас ты просто клуша-мамка, которую, кроме своего дитя, ничего не интересует. Думаешь, тебя твой мужинек захочет такую? — окидывает меня взглядом. — Ты бы накрасилась, что ли, — задерживается взглядом на моем лице.

Ее слова больно режут. Я действительно в декрете перестала краситься, делать укладку. Забыла, когда в последний раз надевала платья, ходила на маникюр. Но у меня есть причина — я банально устала. Вечные недосыпания, постоянное беспокойство о малышке, а теперь еще и работа со срочными проектами сказываются на мне не лучшим образом. Кожа стала слишком бледной, тени залегли под глазами. Из косметики я пользуюсь только губной помадой.

Но это не значит, что какая-то практикантка может меня унижать!

— Тебе лучше вспомнить, что перед тобой человек, который выше тебя по должности, — цежу сквозь стиснутые челюсти.

— Или что? — девица нахально вздергивает бровь.

Глядя на нее сейчас, понимаю, что ей бесполезно что-то доказывать или объяснять.

— Думаю, мне стоит поговорить с Германом Викторовичем, — разворачиваюсь на пятках.

Вот только даже шага не успеваю сделать, как мне прилетает в спину:

— Ну давай. Думаешь, напугала? — слова Гали наполнены издевкой. — Лучше бы мне в волосы вцепилась, было бы больше толка.

Оглядываюсь через плечо.

— И опуститься до вашего уровня? — окидываю девушек взглядом, полным омерзения. — Нет, спасибо. Я не собираюсь опускать себя ниже плинтуса. У меня, по крайней мере, есть самоуважение.

Выхожу в коридор, больше не желая даже на секунду оставаться в одном пространстве с этими двумя. После общения с ними хочется помыться, меня словно помоями облили.

Предстоящий разговор с Германом занимает все мысли, но, как только подумаю, что нужно опять подняться на второй этаж, меня в дрожь бросает. Поэтому вместо этого я прохожу мимо лестничной клетки и направляюсь прямо в свой кабинет.

Мой телефон лежит там же, где я его оставила — на столе среди бумаг. Вот только стоит взять его в руки, как он сразу начинает звонить. На экране высвечивается фотография девушки с темными кудряшками, торчащими в разные стороны. Желудок тут же скручивает в тугой узел. Геля, моя лучшая подруга, с которой я оставила Маришку, не звонила бы мне просто так.

На ходу отвечая на вызов, подношу телефон к уху.

— Геля, что случилось? — тревога заполняет каждую клеточку тела, когда я слышу на той стороне громкий детский плач.

— Инга, прости меня, — подруга тоже всхлипывает.

Колени тут же подгибаются, я не оседаю на пол только потому, что упираюсь свободной ладонью в столешницу.

— Что произошло? Не томи, — стараюсь говорить спокойно, но истерические нотки все равно проскальзывают в голосе.

— Маришка… мы катались на качелях… я только на секунду отвернулась, а она упала, — голос подруги скрипит из-за слез. — Мы едем в травму!

Глава 6

Мое сердце болит. Его уже и так разорвали на клочья, а волнение о дочери не дает ранам хоть немного затянуться.

Судорожно дыша, забегаю в больницу. Руки дрожат, поэтому приходится зажать пальцы в кулаки, когда я спрашиваю, где найти свою малышку.

Долгая поездка на лифте с остановками на каждом этаже не добавляет мне спокойствия. Натягиваюсь как струна, нервы гудят, кожа зудит. Дышать получается через раз, пока наконец я не достигаю четвертого этажа.

Залетаю в отделение травматологии, оглядываюсь по сторонам, пока в развилке из четырех коридоров с голубыми стенами не вижу Гелю, на коленях которой сидит Маришка в розовом платьице.

Срываюсь с места, мчусь к ним. Стук сердца отдается гулом в голове. Торможу у скамейки, присаживаюсь на корточки, заглядываю в личико своей малышки. В груди колет, когда я вижу марлевую повязку у нее на лбу.

Хочу подхватить Маришку, прижать к своей груди и никогда-никогда не отпускать, но боюсь сделать хуже, поэтому просто ладонями сжимаю маленькие ручки и поднимаю голову.

— Как она? — задаю пугающий до чертиков вопрос, встречаясь с заплаканными глазами подруги. Черная водолазка вкупе со страданиями на лице придает ей траурный вид.

— Врач сказал, что ничего страшного, но на всякий случай отправил сделать рентген, — произносит безжизненным голосом Геля, указывая подбородком на снимки, лежащие рядом на скамейке. — Маришка на камень упала, я даже не знала, что он там был. Всего на секунду отвернулась, — ее глаза снова наполняются слезами. — Прости меня. Прости, прости, прости… — всхлип срывается с ее губ.

Видеть страдания подруги еще хуже, чем самой их испытывать.

— Успокойся. Если бы было совсем плохо, то Маришку тебе не отдали бы, — разум и логика начинают возвращаться ко мне. Перевожу взгляд на свою дочурку, которая выглядит очень сонной. Видимо, боль и слезки вымотали ее. Пытаюсь улыбаться, чтобы хоть немного приободрить малышку, но вряд ли у меня получается выдавить из себя что-то путное.

Дверь недалеко от нас со скрипом открывается. На пороге появляется девушка в халате и смешной розовой шапочке с нарисованными куклами Винкс.

— Громова Марина, где?

— Здесь, — я поднимаюсь на ноги, стопы начинает покалывать, когда к ним приливает кровь.

— Проходите, — девушка скрывается в кабинете, но дверь не закрывает.

Маришка протягивает ручки ко мне. Забираю малышку у подруги, наконец прижимая к своей груди. Только сейчас, когда чувствую маленькое тельце дочери, получается выдохнуть, но не расслабиться.

— Инга, — окликает меня Геля, — можно я с вами пойду? — она тоже поднимается на ноги. — Пожалуйста, не заставляй меня ждать новостей здесь.

Господи, как же она переживает.

— Конечно, — смотрю на нее со всей возможной добротой, пытаясь передать, что не виню ни в чем.

Потом обязательно скажу это вслух и попытаюсь убедить Гелю перестать волноваться, ведь такое могло случиться с каждым, но сначала мне самой нужно убедиться, что с Маришкой все хорошо.

Перехватываю дочку одной рукой. Второй — беру снимки и захожу в кабинет, чувствуя присутствие Гели за спиной.

Почти не помню, что спрашивает врач. Мои ответы ему тоже остаются где-то за гранью сознания. Все, что мне удается запомнить: «Не переживайте, это просто ссадина. На всякий случай понаблюдайте за девочкой до завтра. Если активность восстановится, то все будет хорошо».

Радость и облегчение затапливают мое тело, поэтому, чувствуя небывалую легкость, выхожу из кабинета врача.

Геля рядом старается медленно дышать, чтобы хоть немного успокоить рыдания, которые рвутся из нее.

Маришка же вовсе кладет мне головку на плечо и начинает мирно посапывать. Она отрубается так быстро, что в глубине души я пугаюсь, но почти сразу одергиваю себя. Нельзя позволять себе падать духом. Еще много всего предстоит сделать.

Держа Маришку одной рукой, второй — обхватываю пальцы Гели, пожимаю их.

— Давай успокаивайся, все же хорошо, — заглядываю в покрасневшие глаза подруги.

— Я… я думала, что… — всхлипывает. — Когда увидела кровь, услышала плач Маришки, чуть с ума не сошла. Прыгнула в такси и сразу же поехала в больницу, — закрывает рот свободной рукой в попытке заглушить рыдания.

— Ну что ты, хватит, — произношу нежно. — Ты сделала все, что могла, — обнимаю подругу за плечи. — Дети падают, такое бывает. Главное, что ничего страшного не случилось.

Геля аккуратно обнимает меня в ответ, чтобы не задеть Маришку. Недолго стоим, не шевелясь, после чего я глубоко вздыхаю, выпуская остатки напряжения.

— Пошли, — похлопываю Гелю, которая вроде бы начала успокаиваться, по спине. — Давай уйдем отсюда.

— Ненавижу больницы, — бормочет под нос подруга, судорожно вздыхает и отступает на шаг.

— Я знаю, — вымученно улыбаюсь.

Геля же просто кивает в ответ.

Уже в лифте крепко держу дочь. Воспоминание об измене мужа возвращаются ко мне. Ноющая боль постепенно заполняет тело, при этом концентрируется в районе груди. Как только подумаю о том, что придется встретиться с Марком, становится не по себе. Поэтому, когда створки лифта разъезжаются и мы выходим в холл больницы, не глядя на подругу, выпаливаю:

— Можно мы с Маришкой поживем у тебя?

Геля спотыкается. Ей требуется минута на осознание услышанного, после чего она поворачивается ко мне и смотрит, прожигая меня взглядом.

— Что натворил Марк? — цедит сквозь стиснутые зубы.

— Дома расскажу, — кусаю губы, пытаясь подавить вспышки боли. — Если ты, конечно, разрешишь нам с Маришкой ненадолго стать приживалками.

— Какие еще приживалки? — Геля не думает ни секунды. — Оставайся у меня на столько, на сколько нужно. Но обещай, что все расскажешь, — переплетает наши пальцы.

— Обязательно, — тяжело сглатываю, представляя, насколько тяжелым будет этот разговор. — И спасибо, — крепче сжимаю руку подруги.

Мы как можно быстрее выходим из больницы, спускаемся по лестнице и даже успеваем сделать пару шагов, как с визгом шин перед нами останавливается темно-синий джип.

Тут же узнаю его и невольно начинаю отступать.

Шаг за шагом…

Шаг за шагом…

Вот только Марк оказывается проворнее, выпрыгивает из машины, огибает ее и стремительно сокращает расстояние между нами.

Останавливается напротив. Бросает взгляд на Маришку, после чего переводит его на меня.

В его глазах полыхает настоящая ярость.

— Ты решила нашу дочь угробить? — рычит муж.

Глава 7

Смотрю на мужа и ловлю ртом воздух.

Сначала кажется, что мне послышалось, но через мгновение понимаю: он действительно сказал, что я хочу угробить нашу малышку. О чем он, черт побери, думает?

— Что ты такое говоришь? — сердце болезненно сжимается от его обвинения.

Марк хмурится, снова окидывает взглядом нашу спящую дочь, после чего возвращается к моему лицу, явно что-то хочет сказать, но между нами пролезает Геля. Я отступаю назад, чтобы случайно не повредить Маришке, и как раз вовремя, потому что подруга толкает мужа в грудь — Марк на автомате отступает.

— Инга решила дочь угробить? Ты что, совсем со своим бизнесом с ума сошел? — шипит Геля, делая шаг вперед, вздергивает голову, чтобы смотреть Марку в глаза. — Инга — прекрасная мать! Ты хоть знаешь, как ей сейчас тяжело? Мало того, что у нее ребенок маленький, так еще ей раньше на работу пришлось выйти, и все из-за тебя. Если хочешь обвинить кого-то, то посмотрись в зеркало, — упирается руками в бока.

Эти двое сверлят друг друга взглядами. Хоть я не вижу лица подруги, уверена, она ничем не уступает мужу. Молчание становится гнетущим, давящим. Хоть шум улицы не дает образоваться тишине, но все равно кажется, что я слышу каждый вдох этих двоих. Уже собираюсь подойти к ним, как Марк хмыкает.

— Не вмешивайся не в свое дело, — удивительно спокойно произносит он, после чего огибает Гелю и идет ко мне.

Подруга резко разворачивается на пятках, на ее лице мелькает упорство, поэтому я ловлю ее взгляд и быстро мотаю головой. Геля поджимает губы, но, блин, не объяснишь же ей сейчас, что это для ее и моего блага. Зная мужа, он может взорваться в любой момент, и неизвестно, какие последствия потом нас ждут.

Марк останавливается на расстоянии вытянутой руки от меня.

— Как она? — спрашивает муж, глядя мне в глаза.

Хочется огрызнуться, сказать, чтобы пошел к своим бабам и узнавал, как они, но сдерживаю себя из последних сил. Все-таки Маришка и его дочь тоже.

— Нормально. Доктор сказала, что это просто ссадина, но день нужно за ней понаблюдать, — стараюсь даже не смотреть на мужа, опускаю взгляд на дочь, которая чуть шевелится во сне, прижимаясь крепче ко мне. — Как ты узнал? — спрашиваю на автомате, мысли уносят меня к моей малышке, с которой меня даже рядом не было, когда ей было больно.

— Мне из больницы позвонили, — цедит муж, сужая брови у переносицы. — Но, по-моему, это должна была сделать ты, — звучит как очередное обвинение.

— И отвлечь тебя от твоей работы? Или, может быть, от баб? — выпаливаю, не выдерживая.

— Инга, хватит про баб. Это моя дочь! — рявкает Марк.

— Это наша, — выделяю последнее слово, — дочь! У нас была семья, а ты ее разрушил, — стараюсь говорить тихо, размеренно, чтобы не разбудить Маришку, она сегодня, бедняжка, и без того натерпелась.

Зато Марк, видимо, не собирается сдерживаться:

— Инга, ты понимаешь, что здесь дело не в нас с тобой, а в нашей дочери?

— А ты понимаешь, что после всего произошедшего не имеешь права меня отчитывать? — парирую я и глубоко вдыхаю, но взгляда от мужа не отвожу.

Понимаю, что если сдамся сейчас, он сделает все возможное, чтобы прогнуть меня, а это последнее, чего я хочу. Единственное мое желание сейчас — уйти от мужа подальше, лечь на кровать, обнять дочь и вместе с ней спокойно уснуть. Этот день меня лишил последних сил.

Геле, видимо, надоедает наблюдать за нашим противостоянием, поэтому она подходит к нам, подхватывает мою руку и тянет в сторону.

— Поехали, — бросает на меня взгляд с прищуром, как бы говоря: «Пора с ним заканчивать». И я с ней согласна. На борьбу с мужем нужны силы, а у меня их попросту нет. Поэтому киваю подруге.

Она тут же отступает в сторону, чтобы обогнуть Марка. Я следую за ней. Но у меня получается сделать всего шаг, ведь на моем запястье смыкаются пальцы мужа. Набираю в грудь побольше воздуха, зная, что за этим последует.

— Куда ты собралась? — Марк оправдывает все мои «ожидания», не могу сдержать ироничного смешка.

— К Геле, — отвечаю правду. Смысла врать все равно нет: если муж захочет, он меня найдет.

— И что ты там забыла? — Марк сужает глаза.

Не успеваю ответить, как Геля меня опережает:

— Она от тебя уходит, ты разве еще не понял? — язвительность пропитала каждое ее слово. Геля долго не думает, дергает меня за руку, которую держит муж.

Шумно втягиваю воздух, когда вдобавок Марк сильнее сжимает мое запястье, чтобы задержать на месте. Жгучая боль разносится по руке, после чего та немеет.

— Ты едешь со мной! — рявкает муж, вырывая мою руку из пальцев Гели. — Домой.

— Я никуда с тобой не поеду, — отчеканиваю я, стараясь не повышать голос.

Смотрю на мужа и понимаю, что передо мной стоит другой человек. Черты его лица заострены, ноздри раздуваются, глаза мечут молнии. Не за такого Марка я выходила замуж. Поначалу он относился ко мне очень тепло. Вплоть до того, что следил за тем, поела я или нет. А когда простуда сбивала меня с ног, он волновался больше всех: приносил лекарство, отпаивал чаями, наблюдал за моим состоянием, пока болезнь не отходила на задний план. Прежний Марк замечал все мелочи, связанные со мной. Он знал, что я люблю чай с сахаром, а кофе без всего. По выходным готовил мне панкейки с бананом, а на мой день рождения мы всегда куда-то выбирались. Это было традицией — посещать новые места. Но это только поначалу.

В последние пару лет Марк сосредоточился только на своей работе, а про нас с дочерью забыл. У меня внутри все сжимается от мысли, сколько мы потеряли.

Маришка начинает похныкивать во сне, словно чувствует мое состояние. Хочу погладить ее по спинке, чтобы успокоить явно беспокойный сон, но мне не удается вывернуть запястье из пальцев Марка. Муж держит меня так крепко, словно думает, что стоит ему ослабить хватку, как я растворюсь в воздухе.

— Отпусти меня, — прошу тихо, закладывая в слова сразу два смысла.

Похоже, Марк улавливает все, что я хочу ему передать, поэтому сильнее поджимает губы. Запястье начинает ныть из-за хватки, которая становится только сильнее. Муж пару секунд прожигает меня пристальным, не сулящим ничего хорошего взглядом, прежде чем поставить мне ультиматум:

— Либо вы обе едете со мной, либо только Маришка!

Глава 8

Мои глаза расширяются.

— Я не отдам тебе дочь, — одной рукой прижимаю Маришку к себе, другую — пытаюсь вырвать из хватки мужа, но только делаю себе еще больнее.

Марк же никак не реагирует на мое сопротивление. Такое чувство, что он превратился в каменную статую под взглядом Медузы Горгоны. И сейчас получится освободиться, только если отрубить мужу руку.

— Тогда вариант только один, — Марк чуть сужает глаза.

— Есть еще один — ты можешь отвалиться! — Геля обхватывает наши запястья, дергает, но разорвать сцепленные руки у нее тоже не получается. — Да отпусти ты ее! — приказные нотки проскальзывают в голосе подруги.

Она впивается взглядом в моего мужа, но тот смотрит только на меня. Не знаю, чего он от меня ждет. Покорности? Этого никогда не будет. Единственное, о чем я сейчас жалею, что не успела уехать до того, как он обо всем узнал.

— Ты меня вообще слышишь?! — Геля толкает мужа в плечо, но это его совсем не трогает. Складывается впечатление, что он считает мою подругу недостойной даже взгляда.

— Я уже тебе сказал, не вмешивайся не в свое дело, — бросает ей Марк, после чего вплотную подходит ко мне. Приходится задрать голову, чтобы взглянуть в когда-то любимые глаза. Геля же рядом шумно втягивает воздух. — Инга, ты едешь с нами? — приподнимает бровь.

«С нами» — обухом ударяет по голове. Возмущение разливается пламенем по венам.

— И как ты меня заставишь? — цежу сквозь стиснутые челюсти. — Неужели отнимешь ребенка у матери на глазах у стольких свидетелей? — оглядываюсь по сторонам: хоть на нас никто не обращает внимания — все спешат по своим делам, — но я знаю, что если закричу…

— Думаешь, тебе это поможет? — Марк словно читает мои мысли, отчего становится совсем жутко. — Вот смотри: даже если приедет полиция, они проверят наши документы, поймут, что я отец, и уедут восвояси, — муж говорит слишком уверенно. — Стоит ли все это твоих сил и нервов?

Сердце пропускает удар, когда я понимаю, что он, скорее всего, прав. Но я не могу сдаться просто так. Не могу…

— Поэтому предлагаю тебе мирный вариант — ты перестаешь нести чушь про то, что переезжаешь к подруге, — наконец косится на Гелю, которая обходит меня сзади и становится со стороны малышки. Жду продолжения, но Марк все молчит и молчит.

— А что получу я при таком варианте? — саркастически спрашиваю, не выдерживая.

— Оставаться матерью нашей дочери недостаточно? — зло хмыкает Марк. — Если серьезно, прекрати твердить про развод. Я вообще не могу понять, с чего ты взяла, что я тебе его дам? — с лица мужа спадает жесткая маска, а в глазах появляется вселенская усталость.

— Крепостное право отменили, в каком году, напомни? — не удерживается от саркастического комментария подруга, подходя совсем близко. — Сейчас получить развод — как два пальца об асфальт, — Геля кладет мне руку на поясницу, даря тем самым поддержку, которая сейчас необходима как никогда.

— Это если у пары нет общего имущества и, конечно же, детей, — парирует Марк, опуская взгляд на нашу малышку. — Вряд ли Инга согласится быть приходящей матерью, — вновь сосредотачивается на моем лице. В его глазах я вижу вызов, мелькающий в пучине пустоты и изнеможения. Но, если честно, мне плевать. Все, о чем я могу думать, — слова мужа.

«Приходящая мать? Какая еще приходящая мать?! Маришка — моя дочь! Моя! Никто у меня ее не отнимет!» — кричит душа.

Вот только… умом-то я понимаю, что Марк не шутит. Развод получить и так будет непросто, а если к этому добавится еще тяжба за опеку… Колени подкашиваются, стоит только подумать о том, что муж может выиграть суд, и Маришку оставят с ним.

— Зачем тебе это? — спрашиваю не своим голосом. Он звучит совсем тихо, наполнен страхом и отчаянием. — Ты же в последнее время даже внимания Маришке не уделял. С ней была я почти двадцать четыре на семь.

Марк тут же хмурится.

— Я отец, Инга. Ты, кажется, об этом забываешь, — муж с нежностью смотрит на дочь. Раньше от такого взгляда у меня бы защемило сердце, а сейчас я чувствую лишь раздражение. — И то, что в последнее время стараюсь делать все возможное, чтобы вы ни в чем никогда не нуждались, поэтому днями и ночами провожу на работе, не означает, что я не люблю свою дочь, — свободной рукой трет переносицу. Вздыхает, прежде чем снова посмотреть на меня. — Прекращай непонятно откуда взявшуюся истерию, поехали домой.

Смотрю на Марка как на чужого. На языке вертится напоминание о том, что я знаю, чем он занимался ночами на работе, но в последний момент останавливаю себя. Нет смысла ему что-то доказывать — после встречи в туалете с двумя «дамочками» я узнала очень много нового о муже. Тем более, мозг перепрыгивает на слова мужа о любви к дочери. Я, наверное, мазохистка, раз цепляюсь за то, что муж не сообщил о своей любви ко мне. Хотя, в любом случае, его поступки красноречивее слов. Мужчина, который хотя бы ценит свою семью, никогда не будет спать со всеми подряд. А если я сегодня правильно все поняла, то Марк еще ввел правило «одного раза». Становится противно оттого, что этими пальцами, которыми муж сейчас сжимает мое запястье, он был еще в ком-то.

— Ты же понимаешь, что даже если сейчас я поеду с тобой, то все равно в итоге найду способ уйти, — предупреждаю, ведь после того, что я видела сегодня и как Марк вел себя со мной, я точно не буду с ним.

Единственное, что мне не дает развернуться и уйти прямо сейчас, — Маришка. Я не могу потерять ее. Она свет моей души. А сомнений в том, что Марк из-за задетого самолюбия может попытаться отнять у меня дочь, не возникает. Поэтому, прежде чем предпринимать решительные действия, пойти против мужа, нужно придумать план. В первую очередь найти адвоката. Благо, работа у меня есть. Уволить меня не могут, пока длится декретный отпуск, что хорошо. Будут средства на жизнь. Да, когда я уйду от мужа, нам с Маришкой будет непросто. Но ничего страшного, справлюсь. Не я первая, не я последняя. Главное, сейчас не спровоцировать мужа раньше времени и не дать ему повод забрать дочь.

— Посмотрим, — уголок губ Марка ползет вверх. — Что-то мне подсказывает, что ты сама передумаешь, когда поймешь, как много я для тебя сделал.

Глава 9

— Спасибо большое, — улыбаюсь охраннику, который придерживает для меня дверь, чтобы я смогла спокойно зайти с коляской в здание офиса нашей компании.

Маришка весело лопочет, и я в очередной раз облегченно вздыхаю, направляясь к своему кабинету. Вот только дискомфорт, который я испытывала дома, никуда не делся.

В нашу с мужем квартиру мне все-таки пришлось вернуться, хоть Геля отговаривала меня всеми возможными способами, пыталась убедить, что Марк ничего не сделает, но я-то знаю мужа — он упертый как баран. И рисковать Маришкой не стала.

Слава богу, за ночь я убедилась, что с дочуркой все будет хорошо. Она спокойно спала, но я все равно каждые полчаса проверяла, как она. Даже легла спать с ней и подносила палец к носу каждые полчаса, чтобы проверять, дышит ли малышка, — материнская паранойя развилась до максимальных размеров. Выдохнуть я смогла только когда утром дочурка хорошо поела и даже смеялась, размазывая кашу по своему стульчику.

Марк уехал, пяти еще не было. Я осталась дома вдвоем с Маришкой, поэтому у меня было время придумать план. Начался он с поиска адвоката. Оказалось не так уж просто найти стоящего. Все, кого я знаю, — знакомые мужа либо Германа. И как только я к ним обращусь, Марку сразу донесут. Поэтому пришлось искать человека на стороне.

Я уже записалась на несколько консультаций, чтобы выбрать стоящего юриста, но поняла, что этого недостаточно. В бракоразводном процессе мне нужны дополнительные аргументы. Видео с мужем сразу всплыло в памяти. Флешка осталась на работе, поэтому я быстро переоделась в джинсы и белый свитер, обула кроссовки. Потом кое-как, чтобы не задеть рану, натянула на Маришку белое платьице, курточку, посадила дочку в любимую розовую коляску и помчалась на работу.

Вот только, идя сейчас по знакомым коридорам с белыми стенами, не могу сосредоточиться. Мало того, что сердце гулко бьется в груди, так еще и сотрудники постоянно меня задерживают, желая посюсюкаться с малышкой. Я стараюсь держать лицо, даже выдавливаю улыбку. Односложно отвечаю на вопрос «Что с лобиком?», потом говорю, что мне нужно идти, передвигаюсь на пару метров вперед — и снова все повторяется по кругу. Поэтому, когда добираюсь до кабинета, чувствую себя выжатой до самой корочки. Кладу ладонь на дверную ручку, как замечаю мужчину с легкой проседью в темных волосах и белом халате, под которым скрывается серый деловой костюм. Он выходит в коридор из кабинета, в котором, по-моему, находится бухгалтерия, но разворачивается в другую сторону, не замечая меня.

— Герман, — окликаю его я, тут же вспоминая, что вчера хотела с ним обсудить.

Друг мужа и, по совместительству, совладелец компании застывает. За мгновение, пока я не вижу его лица, кожа покрывается мурашками. Почему-то кажется, что передо мной спина мужа. Поэтому, когда Герман оглядывается, шумно выдыхаю. Натягиваю на лицо дружелюбную улыбку, после чего толкаю коляску и иду к нему. Друг мужа всего несколько секунд смотрит на меня, а потом тоже направляется в мою сторону.

— Ты замену себе с пеленок растишь? — Герман, подойдя ко мне, присаживается на корточки и щекочет щечку Маришки. Дочка тут же задорно смеется. — А что с ней? — мужчина хмурится и смотрит на меня снизу вверх.

— Да так, упала, — сердце екает, когда я вспоминаю вчерашний день и страх, который одолевал меня, пока я не взяла Маришку на руки. — Дети, сам понимаешь, — отвечаю уклончиво, ведь хочу поговорить совсем о другом. Набираю в легкие побольше воздуха…

— Конечно, понимаю, — Герман меня опережает, поднимаясь на ноги. — А у тебя няня заболела, да? — сводит брови к переносице.

— Откуда ты знаешь? — дыхание застревает в груди. Неужели он с Марком успели поговорить? Если да, то муж мог попросить не увольнять своих прошмандовок. Тяжело сглатываю.

— Да сейчас же все болеют, — грустно усмехается Герман. — Наша тоже слегла. Алене приходится самой справляться с дочкой, пока я прозябаю на работе. — Выдыхаю. — Кстати, ты слышала, что мега-сделка Марка на финальной стадии? — гордость так и сочится с лица мужчины. — Еще чуть-чуть, и мы выйдем на новый уровень. Твой муж, конечно, мастер переговоров.

Тяжело сглатываю, глядя на Германа. Когда-то и я так гордилась мужем. Да, он много работал, мало времени уделял семье, но он сделал себя сам, и это подкупало. Если Герман — гениальный химик, то Марк — руководитель от Бога. Жаль, только мужем он оказался не очень хорошим.

— Кстати, а зачем ты меня позвала? — вспоминает Герман. — У тебя что-то важное? Проблемы с рекламной кампанией нового лекарства от кашля? — на его лице появляется тревога.

— Нет, все в порядке, — спешу уверить мужчину я. — Остались последние штрихи, и все готово.

— Хорошо, — Герман выдыхает с облегчением. — Я уже успел испугаться, что мой труд последнего года никто не увидит, — засовывает руки в карманы халата. — Тогда в чем дело? Я тебя знаю, по пустякам во время рабочего дня ты бы меня не позвала.

Желудок ухает вниз. Почему-то становится жутко неловко, но отступать я не собираюсь. Не после того, что они устроили.

— Да, я хотела твоих практикантов обсудить, — выпаливаю на одном дыхании.

С лица Германа слазят все краски. Взгляд начинает бегать, но вскоре вновь сосредотачивается на мне.

— Они что-то натворили? — спрашивает, даже не уточнив, о ком идет речь.

Плохое предчувствие дополняет неловкость.

Сильнее стискиваю ручки коляски.

— Да, тут такое дело… — начинаю.

Но тут же прерываюсь, когда слышу сзади строгий голос мужа:

— Инга, что ты сегодня забыла в офисе? Разве ты не должна быть с нашей дочерью?

Глава 10

Холодный пот выступает на позвоночнике, волоски на затылке встают дыбом. Прикрываю глаза.

Ну как же без него.

Сглатываю ком, стоящий в горле. С силой разлепляю пальцы, отпускаю коляску и поворачиваюсь. Впервые смотрю на мужа со вчерашнего дня. На нем сегодня не костюм, а черные рубашка и брюки. Под глазами все еще синяки, брови нахмурены.

Он смотрит на меня с укоризной, отчего больно колет в груди.

— Я уже не могу приехать в офис со своей дочерью? — приподнимаю бровь.

— Та-а-ак, я пошел, — раздается сзади голос Германа. — Мне и своих семейных разборок хватает, — хмыкает. — Инга, — кладет ладонь мне на плечо, но я даже не оборачиваюсь, не собираюсь отводить взгляд от хищника в лице моего мужа, — я, кажется, знаю, кого ты имеешь в виду. Разберусь, — похлопывает, после чего я слышу удаляющиеся шаги.

— О чем вы говорили? — Марк смотрит мне за спину.

— Какое тебе дело? — огрызаюсь, чувствуя лаву злости, которая проносится по венам. — Ты уже отчетливо показал свое отношение ко мне.

Не знаю, чувствует ли Маришка мое состояние, но не проходит и мгновения, как она начинает хныкать. Я еще секунду смотрю на мужа, пытаясь показать, что на самом деле испытываю к нему. Задерживаю взгляд на отросшей щетине, после чего поджимаю губы и разворачиваюсь к коляске. Обхожу ее, достаю дочку и прижимаю к своей груди. Маришка, к сожалению, не успокаивается.

Наоборот, начинает плакать сильнее. Люди, идущие по коридору и выходящие из кабинетов, оборачиваются, смотрят на нас.

— Ну что ты, малышка. Чего ты разревелась? — похлопываю дочурку по спине. Чуть отстраняю от себя, заглядываю в глазки, которые наполнены слезами, и улыбаюсь. — Все хорошо, мама рядом, — ласково бормочу, но не помогает.

— Дай ее мне, — муж сокращает расстояние между нами и протягивает руки. Инстинктивно отвожу Маришку подальше от него.

Вчерашние угрозы Марка еще живы в моей памяти. Страх, что он может отнять у меня дочь, вспыхивает с новой силой. Сердце заходится в груди, а мышцы деревенеют.

Марк тяжело вздыхает.

— Ты совсем мне не доверяешь, да? — подходит ближе и кладет ладонь на спинку Маришки, чуть выше моих рук.

Малышка моментально затихает, после чего вертится в моих руках и тянется к отцу. Сердце пропускает удар, когда я вижу эту картину. Становится настолько больно, что сделать вдох не получается без рези в груди. Хочется закричать: «На что ты променял нашу семью? Мою любовь? Любовь нашей дочери?», но прикусываю язык.

Прошли все сутки, а я так устала, что валюсь с ног. Не будь у меня Маришки, я точно забилась бы в какой-нибудь угол и позволила себе разрыдаться вдоволь, а так приходится держаться хоть и из последних сил.

Маришка начинает вырываться из моих рук, дергается, крутится. Она такая резвая, что у меня едва получается удержать ее. Слезки снова наполняют глазки малышки, тихие всхлипы слетают с ее губок.

Поэтому мне ничего не остается, кроме как передать Маришку отцу с тихими словами:

— После всего ты еще о доверии спрашиваешь? — отворачиваюсь.

Видеть, как Маришка тянется к отцу, жутко больно. Но оттого, что малышка замолкает, перейдя на руки к отцу, невозможно скрыться. Тру грудь, чтобы хоть как-то унять огонь внутри.

— Инга, ты не хочешь объяснить наконец, что произошло? — спокойный голос мужа достигает глубин моего сознания и взывает к яростной части, которую я всеми силами старалась сдержать.

Глубоко вздыхаю, но не помогает успокоиться. Впиваюсь в мужа гневным взглядом и тут же приходится справляться с ноющей болью в сердце, видя, как Маришка кладет головку на плечо мужа и больше не плачет.

— Неужели ты снизошел до объяснений? — язвительность так и прет из меня. — А как же твоя работа?

— Не паясничай, — осекает меня муж, чем злит еще больше.

Сжимаю пальцы в кулаки.

— Ты не имеешь права указывать, что мне делать! — цежу сквозь стиснутые зубы. — После увиденного мною скажи спасибо, что я вообще с тобой говорю, — кривлюсь в отвращении.

Видео словно снова начинает проигрываться у меня в голове. Мне приходится зажмуриться изо всех сил, чтобы перед глазами заплясали звезды и стерли эти отвратительные картинки.

— Инга, ты можешь мне нормально сказать, что ты видела?! — Марк старается не повышать голос, но видно, что сдерживается.

— Я тебе вчера уже сказала! — возмущенно выпаливаю. — Но ты выставил меня за дверь!

Марк опасно сужает глаза, шумно выдыхает.

— Та-а-ак, — одним движением хватает меня за запястье и куда-то тащит.

Я, не успев сориентироваться, делаю пару шагов, после чего торможу пятками об пол.

— Пусти меня, — шиплю на мужа.

Но он не реагирует, даже мое сопротивление его не волнует, он просто сильнее дергает меня. Я спотыкаюсь и едва не лечу на пол. Лишь бы не упасть, приходится сделать пару широких шагов вперед, чтобы восстановить равновесие. Вот только небольшой заминки мужу хватает, чтобы затащить меня в мой же кабинет. Отпускает мою руку, после этого он просто захлопывает дверь и закрывает ее собой. Мне же приходится развернуться, чтобы заглянуть в когда-то любимое, а сейчас ненавистное лицо.

Марк же как оставался сдержанным, полностью контролирующим свои эмоции, так и остается.

— Объясняй! — приказывает, при этом нежно поглаживает спинку дочери.

— В таком тоне будешь разговаривать со своими бабами, — обхватываю саднящее запястье и потираю его.

— Какими еще бабами? — цедит Марк сквозь стиснутые зубы, в его глазах появляется гневный огонек.

— Которых трахал на видео, — взмахиваю руками.

— Какое еще видео? — хмурится Марк.

— Вот это, — разворачиваюсь, иду к своему столу, поворачиваю ноутбук, тянусь к флешке и… не нахожу ее.

Застываю на мгновение. Наклоняюсь над столом. Смотрю на пустое отделение и не верю своим глазам. Пусто.

А где?

Тяжело сглатываю.

Неужели… Марк ее забрал?

Глава 11

Трусики! Точно! Я же их на стол бросила. Они должны быть еще тут. Должны…

Быстрым взглядом пробегаюсь по столешнице. Ничего не нахожу. Огибаю стол, отодвигаю кресло на колесиках — оно врезается в стену, присаживаюсь на корточки. Тут тоже нет. Только бумажный конверт валяется в мусорной корзине — а я его туда не бросала! Достаю, открываю, переворачиваю, чтобы вытряхнуть содержимое, — пусто. Поднимаю ноутбук, роюсь в бумагах. Бесполезно.

Я так концентрируюсь на поисках, что не слышу, как Марк подходит к столу. Поэтому вздрагиваю, когда вижу, что он занимает место для посетителей, после чего садит на колени Маришку. Отшагиваю назад, впиваюсь в мужа яростным взглядом, пока наша дочка играет с пуговицами на рубашке отца.

— Инга, может, хватит? — вздыхает Марк, откидываясь на спинку кресла.

— Ты забрал флешку, да? — цежу сквозь стиснутые челюсти.

Упираясь ладонями в столешницу, нависаю над ней. Смотрю мужу прямо в глаза, стараясь поймать там хотя бы отражение чувств. Но Марк нацепил на себя безэмоциональную маску — на его лице даже мускул не дергается.

— Я не понимаю, о какой флешке ты говоришь, — муж едва заметно приподнимает бровь.

— О той, где было видео, на котором ты развлекаешься у себя в кабинете с двумя девушками, — все внутри сводит от отвращения, горло сжимается, но я все равно выдавливаю из себя слова.

Марк чуть склоняет голову набок. С минуту сверлит меня напряженным взглядом. После чего криво и как-то горько усмехается.

— Я так понимаю, тебе бесполезно что-то доказывать, да? Ты все равно обвинишь меня во всех грехах? — уголок губ ползет вверх. — Ты хочешь развод, правильно?

Хмурюсь, ища подвох в его спокойствии.

— Д-да, — произношу осторожно.

— Хорошо, если ты считаешь это правильным — давай разведемся, — огорошивает меня Марк, говоря уверенно. Встает, обходит стол и передает мне Маришку. Я беру малышку и прижимаю к себе, благо она больше не начинает плакать. — Только учти, — муж смотрит на меня сверху вниз, — я буду бороться за нашу дочь.

Сердце болезненно сжимается, вдавливаю дочку в себя. Она тут же недовольно пищит, поэтому я ослабляет хватку.

— У нас в стране чаще всего ребенка с матерью оставляют, — огрызаюсь.

— Ключевые слова здесь «чаще всего», — хмыкает муж. — В общем, подумай хорошенько, прежде чем подавать заявление. Тем более, как я понял, никаких доказательств моей измены у тебя нет, — телефон Марка начинает звонить, но он даже не пытается достать гаджет из кармана. — Поэтому предлагаю не горячиться, — трель на мгновение замолкает, — не хочешь же ты спустить в трубу все, что у нас было, — и начинается вновь.

Марк поджимает губы, все-таки достает телефон.

— Да, — рявкает в трубку, а вздрагиваю я. — Понял. Сейчас буду, — прикрывает глаза на мгновение. — Я сказал — сейчас буду. Что непонятного? — отчеканивает, с минуту слушает собеседника, после чего отключается.

В безэмоциональных глазах мужа проскальзывает тревога.

Хочется спросить, что случилось, но прикусываю язык. Это раньше я интересовалась любой мелочью, которая была связана с мужем и его проблемами. Сейчас же мне… плевать. По крайней мере, так я себе говорю.

— Что с рекламной кампанией лекарства от кашля? — резко переводит тему Марк.

Я даже теряюсь на мгновение.

— Почти завершена, осталось пару правок, — плохое предчувствие появляется в груди.

Маришка перекидывается через мои руки и тянется к столу. Позволяю ей взять карандаш, прежде чем поднять обратно.

— Раз приехала, вноси их сейчас же, — Марк включает тон босса, а у меня внутри рождается протест.

— Вообще-то срок сдачи проекта только завтра, — напоминаю профессиональным тоном, хотя закипаю от ярости. Только размеренное дыхание и дочка в моих руках удерживают меня от того, чтобы врезать мужу, желательно, чем-нибудь тяжелым.

— Ты же сказала, что все почти готово, поэтому поторопись, — сужает глаза, после чего переводит взгляд на нашу дочь, которая крутит в руках карандаш — хорошо, хоть в рот не пытается взять. — Папочке нужно идти, — муж кладет ладонь Маришке на голову. Малышка тут же сосредотачивается на нем и замирает. — Но вечером я тебе сказку почитаю.

— Не обещай ей того, чего не сможешь выполнить! — взрываюсь, хочу отойти назад, но упираюсь задней частью коленей в стул.

— С чего ты решила… — в голосе Марка отчетливо звучит предостережение.

— Ой, хватит, ладно? — перебиваю его я, удобнее перехватываю Маришку, стараюсь немного перераспределить вес с затекших рук. — Ты дома за последнюю неделю ночевал только вчера, — собираюсь добавить про его баб, но грозный взгляд меня останавливает.

— Я работал! — рычит Марк. — Ночами не спал, чтобы сохранить вам комфорт, к которому вы привыкли!

— Видела я твое «ночами не спал», — огрызаюсь и все-таки пытаюсь отступить, когда замечаю предупреждающий блеск в глазах мужа.

— Не бросайся обвинениями, которые не можешь подтвердить, — Марк недолго смотрит мне в глаза, а спустя пару секунд расправляет плечи и выпрямляется. Я же резко выдыхаю, хотя даже не знала, что задержала дыхание. — Жду готовый проект рекламной кампании через два часа, — муж разворачивается, направляется к выходу, но, достигнув его и даже открыв дверь, застывает. — Ты моя жена, запомни это. Я сделаю все, чтобы так и осталось, — говорит, не оборачиваясь, после чего сразу же покидает кабинет.

Как только дверь захлопывается, я сдуваюсь. Все еще смотрю вслед ушедшему мужу, но ничего не вижу. Мысли занимает лишь один вопрос: «Что же делать?» Оседаю на кресло, расслабляюсь. Начинаю перебирать варианты, куда могли деться доказательства, которые точно помогли бы мне в борьбе за опеку. Прихожу к неутешительному выводу — кроме Марка ни у кого не было причины их забирать. Он, наверное, понял, о каком «развлечении в кабинете» я ему говорила.

Служба безопасности! Точно! Там же должна остаться запись!

Тут же вскакиваю на ноги и вместе с Маришкой лечу к начальнику охраны.

Глава 12

— Простите, записи за позавчерашний вечер нет, — Алексей, темноволосый широкоплечий охранник, пожимает плечами, сидя на офисном, крутящемся стуле перед множеством мониторов, висящих на стене. Его белая рубашка натягивается на плечах и кажется, что светится, из-за чего черные брюки становятся почти невидимыми.

Темное небольшое помещение давит мне на плечи. Если бы не дочка, я бы, наверное, опустила руки, а так приходится держать малышку прижатой к груди. Хорошо, хоть сама сижу рядом с Алексеем на таком же крутящемся стуле, иначе точно бы колени подкосились. Мне требуется мгновение, чтобы осознать услышанное.

Сглатываю образовавшийся в горле ком.

— Вы уверены? А может быть, есть возможность восстановить? — хватаюсь за последнюю соломинку.

— Нет, запись была изъята, а не повреждена, — Алексей бесстрастно смотрит на меня, будто его совсем не трогает происходящее, но по поджатым губам видно, что он недоволен.

— А как же сервера? — вспоминаю фильм, который недавно смотрела, где вся охранная информация дублировалась на сервера частной компании.

Понимаю, что бред, но надежда исчезает последней.

Маришка ворочается у меня в руках, трет личико, мило причмокивает.

Алексей опускает на нее взгляд, и его глаза теплеют. Поэтому, когда мужчина снова смотрит на меня, выглядит куда более лояльнее.

— Инга Павловна, — его голос тоже смягчается, от бесчувственного спецназовца, кем в прошлом и был мужчина, остается только след и военная выправка, — не знаю, зачем вам понадобилось это видео. К сожалению, его невозможно восстановить. Я разберусь, как такое могло произойти — и ни одна манипуляция с охранными материалами не должна производиться без моего ведома, но на данный момент ничем не могу вам помочь.

Мои плечи совсем поникают. Я, конечно, не испытывала слишком большой надежды. Но вот так терять ее все-таки больно. Как мне бороться против мужа за малышку, если у меня нет доказательств его измены?

— Что-то серьезное случилось в кабинете руководителя? — Алексей сводит черные, густые брови к переносице.

Его цепкий взгляд, скорее всего, улавливает злость, мелькнувшую у меня на лице. Напряжение тут же сковало мышцы. Приходится протяжно, медленно выдохнуть.

— Ничего такого, — ухожу от темы.

Не объяснять же начальнику охраны, что его босс и по совместительству мой муж имел двух практикантов у себя в кабинете.

Сердце болезненно сжимается, когда воспоминание появляется перед глазами. Резко вскакиваю, встряхиваю голову, а через мгновение понимаю, что сделала. Замираю, опускаю взгляд на дочь, после чего облегченно вздыхаю — спит.

— Спасибо вам за помощь, — выдавливаю из себя, пытаясь бороться с воспоминанием. — Я, наверное, пойду, — натянуто улыбаюсь мужчине, ловя на себе его подозрительный взгляд, после чего направляюсь к выходу из комнаты, в которой я потеряла последнюю надежду.

Так! Инга! Соберись! Еще не все потеряно. Ты должна бороться. За себя и за дочь. То, что сделал муж, ни в коем случае нельзя прощать.

Расправляю плечи, набираю в грудь побольше воздуха, вот только выйти не успеваю — дверь распахивается. Я едва не сталкиваюсь с молоденьким рыжеволосым охранником в чер-

ном, висящем на нем костюме. Он замирает на пороге, видя меня. Опускает взгляд на мою дочь и сразу же расплывается в улыбке.

Стараюсь вспомнить, как его зовут. Имя вертится на языке, но я никак не могу его поймать — Трофим… Тимофей… О, Тихомир!

— Добрый день, Инга Павловна, — парнишка поднимает взгляд на меня, его лицо лучится добротой.

Не знаю, что на него повлияло: моя дочь или он сам по себе позитивный человек, — но чувствую, что начинаю постепенно оттаивать. Душа, которая успела заледенеть, вновь становится прежней.

— Добрый день, Тихомир, — произношу почти искренне. — Как дела у твоей бабушки?

Вспоминаю наш недавний разговор у входа в здание, когда я случайно подслушала его разговор по телефону. Парень был так расстроен, что его бабушка заболела, и я не могла его не поддержать.

— Уже лучше, — еще шире улыбается Тихомир. — Спасибо вам большое, что посоветовали обратиться к Герману Викторовичу. Он посоветовал одно хорошее лекарство и даже помог его найти. Бабушка попринимала его всего пару дней, и ей стало гораздо лучше, — он засовывает руки в карманы брюк и бросает еще один заинтересованный взгляд на малышку.

— Рада, что все получилось, — сильнее перехватываю дочь, которая в этот самый момент решила повернуться.

— Какими судьбами вы тут? — любопытничает парнишка.

— Тихомир, ты вмешиваешься не в свои дела, — грозный голос начальника охраны раздается за спиной.

— Ничего страшного, — оглядываюсь и посылаю Алексею благодарную улыбку. Возвращаю взор к Тихомиру. — Мне просто нужно было одно видео найти, — руки затекают от веса дочери, мне приходится повести плечами, чтобы хоть немного сбросить напряжение.

— Я смотрю, вы с Марком Дмитриевичем словно сговорились сегодня, — хмыкает Тихомир. — Он тоже видео искал.

— Марк был здесь? — все внутри ухает вниз.

— Да, час назад где-то, — парнишка хмурится.

Кровь отливает от лица.

Вот как. Горько ухмыляюсь. Муж все-таки решил уничтожить все доказательства. Вздыхаю.

— Можно я пройду? — мой собственный голос звучит словно из пелены.

Лицо Тихомира становится слишком серьезным. Он пару секунд смотрит на меня, после чего отступает.

Благодарно киваю.

Не чувствуя ног, выхожу из пункта видеонаблюдения. Не помню, как дохожу до своего кабинета. Но стоит мне войти внутрь, как раздается стук в дверь.

— Войдите, — произношу равнодушно, направляясь к столу.

Дверь тихо открывается в тот момент, когда я подхожу к офисному креслу. Поворачиваюсь и застываю.

На пороге вижу Валю — одну из практиканток, с кем спал мой муж.

Глава 13

— Что тебе нужно? — сажусь в кресло, перекладывая дочь к себе на колени.

Только сейчас вспоминаю, что коляска до сих пор стоит в коридоре. Нужно будет ее забрать.

Валя в застегнутом на все пуговицы белом халате, под которым, скорее всего, скрывается платье, судя по капроновым колготкам, облепившим ноги.

— Могу я…? — Валя бросает взгляд на кресло, в котором совсем недавно сидел мой муж, после чего просяще смотрит на меня. Ее глаза, как и в прошлый раз, слишком сильно подведены карандашом, зато белые волосы собраны в высокий хвост, а не рассыпаны по плечам.

В принципе, девушка выглядит… прилично. Не то что в прошлый раз.

— Проходи, — сама не понимаю, почему произношу это простое слово.

Мне нужно гнать эту… практикантку куда подальше, а я позволяю ей войти в свое пространство.

Но любопытство все-таки берет верх над разумом. Мне действительно интересно, что она хотела сказать. Поэтому, вытащив одну руку из-под Маришки, заправляю волосы за ухо и наблюдаю за тем, как девушка приближается.

Валя смотрит в пол и поднимает взгляд, только когда садится. Слышу, как она шумно сглатывает, прежде чем заговорить:

— Я хочу извиниться, — выпаливает.

У меня брови ползут вверх. Что изменилось?

Маришка вздыхает во сне, чем привлекает внимание девушки. Сразу хочется спрятать дочурку, прижать к себе и убрать от посторонних глаз, но боюсь ее потревожить. Поэтому лишь поджимаю губы, медленно выдыхаю, прежде чем строго спросить:

— За что? — приподнимаю бровь.

Валя отводит взгляд от моей малышки, но я все равно не расслабляюсь. Присутствие девушки в кабинете создает настолько напряженную атмосферу, что ее можно резать ножом. Мне приходится опустить плечи, чтобы хоть немного снизить давление на них.

— За сцену в туалете, — Валя опускает взгляд, прежде чем посмотреть на меня исподлобья.

Скорее всего, она хочет показать мне свою невинность, но я не верю ей ни на йоту. Но жду продолжения. Любопытство так легко не угасает.

— Понимаете, — девушка нервно ерзает на кресле, — Галя… — судорожно вздыхает, — она все сказала вам не со зла. Просто у нее немного противный характер. Она сначала говорит, а потом думает, — быстро проводит языком по губам. — Я не вмешивалась, потому что понимала, что тогда это делать бесполезно. Пока Галя не успокоится сама, ничего не услышит. Я ее много лет знаю, — выдавливает из себя улыбку. — Но сейчас я с ней поговорила, и она обещала подумать над своим поведением. Поэтому не обижайтесь на нее, пожалуйста.

Валя резко замолкает, а мне кажется, что у меня вот-вот глаза вывалятся из орбит. Не обижаться? Серьезно? Они спали с моим мужем, потом буквально смешали меня с грязью, а я не должна обижаться? Ярость разливается по венам настоящей лавой, кажется, вот-вот расплавит кожу и выльется на девушку, сидящую передо мной и пытающуюся делать из меня дуру. Приходится взять себя в руки. Резко натягиваю на лицо бесстрастную маску. Не собираюсь показывать девушке свои эмоции, на которые она явно пытается меня вывести. Да и малышку, спящую на моих коленях, не хочется будить.

В ее раскаяние, а тем более в раскаяние ее подруги, я не верю. Зато мне становится интересно, что могло произойти, раз девушка так рьяно прибежала ко мне в кабинет. Неужели Герман постарался?

Но задать этот вопрос я не успеваю.

— Ну-у-у, я все сказала, — Валя резко поднимается на ноги, сцепляет руки перед собой. — Надеюсь, вы нас простите. Нам, правда, важна эта работа, — разворачивается и без слов прощания направляется обратно к двери.

— Подожди, — окликаю девушку и тут же жалею об этом.

Валя резко тормозит, оборачивается. В ее взгляде читается вопрос.

Надежда, что девушка может помочь мне, мелькает в груди, но тут же гаснет. Обратиться к Вале, попросить о помощи против мужа — будет совсем глупо с моей стороны. Я не настолько наивна, хоть и почти отчаялась.

Хотя… я не сомневаюсь, что муж просто так не вернет мне дочь, а видео, где он спит сразу с двумя девушками, или свидетельство одной из них могли бы склонить суд в мою пользу. Как там говорят? В борьбе за опеку все средства хороши?

За размышлениями теряю счет времени, помогает очнуться только тревожный голос Вали:

— Инга Павловна, — девушка с прищуром смотрит на меня.

Открываю рот, но не успеваю ничего сказать, как слышу трель стационарного телефона. Один взгляд на него — и все внутри ухает вниз. На маленьком узком экране высвечивается внутренний номер Марка.

Он что, чувствует, когда я пытаюсь найти компромат против него?

Раздражающий звон резко прекращается, но через мгновение раздается вновь.

Вздыхаю.

Опускаю взгляд на дочку — малышка сладко спит.

Черт. Тянусь к телефону, снимаю трубку, подношу ее к уху.

Мне не удается даже слова сказать, как слышу рык мужа:

— Живо зайди ко мне и проект лекарства от кашля отправь мне на почту, — следом раздаются короткие гудки.

Отнимаю трубку от уха, смотрю на нее, хлопая глазами.

Что это сейчас было?

— Инга Павловна, — негромко произносит Валя, но я все равно вздрагиваю, — я могу идти?

Перевожу взгляд на девушку, медленно киваю, все еще пытаясь понять, что могло случиться.

— Всего доброго, — Валя не ждет другой моей реакции, выходит из кабинета так быстро, как может.

Остаюсь одна с малышкой на руках. С минуту сижу, не двигаясь, после чего подтягиваю к себе ноутбук. Хотелось бы, конечно, проигнорировать приказ мужа, но все-таки он звонил мне по работе. А вот ее потерять мне совсем нельзя. Набираю в грудь побольше воздуха, бужу ноутбук, после чего сохраняю проект и отправляю его Марку.

Аккуратно приподнимаю дочку, которая мирно посапывает. Снова смотрю на телефон, мотаю головой и направляюсь на второй этаж. По дороге стараюсь нигде не задерживаться — нехорошее предчувствие рождается в груди. Стараюсь его игнорировать, но не получается. Вдобавок дочка на руках начинает слишком часто шевелиться. Поэтому, стоит мне войти в приемную, передаю малышку Ольге Петровне, надеясь, что Маришка поспит еще хотя бы немного, а сама захожу в кабинет Марка.

Муж тут же поднимает на меня взгляд. Его брови нахмурены, а в глазах пылает плохо сдерживаемая злость. Желудок болезненно скручивается, но я перебарываю страх и подхожу к столу мужа.

— Что случилось? — выдавливаю из себя, останавливаясь у кресел для гостей.

— Да, случилось, — отчеканивает муж. — Как ты вот это объяснишь? — Марк поворачивает ко мне экран, где на одной стороне открыт желто-зеленый лист с флаерами и лозунгом нашей будущей рекламной кампании, а с другой стороны — точно такой же лист, но в оранжевых цветах наших конкурентов.

Глава 14

Смотрю на экран и не могу поверить своим глазам. Колени подгибаются. Я едва успеваю нащупать кресло и плюхнуться в него. Дышать удается с трудом. Взор словно пелена застилает. Приходится пару раз моргнуть, чтобы снова начать видеть четко.

— Как такое могло произойти? — тяжело сглатываю, переводя непонимающий взгляд на мужа.

Не чувствую ни рук, ни ног. Тело словно онемело.

Пустота в груди начинает разрастаться. Обида и боль наполняют каждую клеточку тела. Постепенно начинаю осознавать, что мой проект «ушел» в другую фирму.

— Это я хотел тебя спросить, как такое могло произойти? — строго произносит муж, откидываясь на спинку офисного кресла.

Свожу брови к переносице. Смотрю на Марка. Не понимаю, что он от меня хочет услышать. Озарение больно бьет по голове. Неужели он думает, что это я слила информацию? Или еще хуже… что я ее украла у наших конкурентов?

Сердце разгоняется в груди. Мне приходится несколько раз сжать и разжать кулаки, чтобы не сорваться и не разгромить стол своего мудака-муженька!

— Инга, ты ответишь на вопрос? — Марк начинает злиться по-настоящему: хватает подлокотники, настолько крепко стискивает, что его костяшки белеют.

Шумно выдыхаю.

— Я не знаю, что сказать, — цежу.

Я, правда, не знаю, что случилось. Это же… это мой главный кошмар!

— Не знаешь? — хмыкает Марк, с силой разжимает руки, складывает их на груди. Узнаю этот жест — Марк всегда так делает, когда пытается сохранить самообладание. — Не знаешь, говоришь? Ты хоть представляешь, что сейчас произошло?

— Конечно, понимаю — мой проект украли. Вот что произошло, — повышаю голос, вдавливаю себя в спинку кресла, чтобы усидеть на месте. — Проект, который я разрабатывала последний месяц, ушел нашим конкурентам, — слезы обиды наполняют глаза, но я кусаю губу, не даю им пролиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.